

ИЗ ПЕРЕПИСКИ с А. С. ЧЕРЕМНОВЫМ

1912—1917

Публикация Л. Н. Афонина и Л. К. Кувановой

Предисловие Л. К. Кувановой

Александр Сергеевич Черемнов (1881—1919) — известный поэт-«знаемец»; его идейно-художественное развитие шло под непосредственным воздействием Горького, учеником которого он себя считал. Вместе с тем он несомненно испытывал влияние Бунина, что отмечалось и в современной ему критике, и в работах советских исследователей¹. Сочетание столь противоположных влияний обуславливалось особенностями творческой личности Черемнова, соединявшего дарование лирического поэта с талантом пародиста и сатирика. Он был автором политических сатир, литературных пародий, ему принадлежит запрещенная поэма о первой русской революции («Красный корабль»), в которой отчетливо проявилось горьковское представление о назначении художника — борца и активного участника событий общественной жизни. Вместе с тем Черемнову-лирику была в высшей степени созвучна поэзия Бунина, его видение мира и особенно его восприятие природы².

Творчество Бунина вызывало у Черемнова глубокое восхищение еще задолго до знакомства с самим писателем, которое состоялось 8 января 1912 г./26 декабря 1911 г. на Капри, в доме Горького. Начавшись с горячего литературного спора, это знакомство быстро перешло в дружеские отношения, окончательно сложившиеся летом 1912 г., когда Бунин гостил в Клеевке (Себежский уезд Витебской губ.) — имени М. П. Миловидовой, приемной матери Черемнова. Характером этих отношений определяется содержание их переписки. Восторженный и внимательный читатель Бунина, Черемнов нередко оказывался на одних позициях с ним в оценках многих литературных явлений. Свои раздумья и наблюдения он излагал Бунину в доверительной, полусутоливой форме, как человеку очень близкому, понимающему его с полуслова. Бунин отвечал Черемнову полным доверием, был, по-видимому, искренно к нему привязан и в письмах к нему нередко изменял своей обычной сдержанности. Все это придает особый интерес публикуемой переписке, так как помимо богатого фактического материала она дает возможность почувствовать характер обоих корреспондентов, ощутить их непосредственную реакцию на ряд событий личной и общественной жизни.

Переписка Бунина с Черемновым, длившаяся более пяти лет (1912—1917), сохранилась лишь частично: 13 писем Бунина (автографы) находятся в ИМЛИ (ф. 3, оп. 3, ед. хр. 43—46), 25 писем Черемнова (машинопись с авторской подписью) хранятся в ГМТ (№ 3195/1—25; кроме того, черновые редакции п. 6, 8, 12, 14 находятся в ИМЛИ — ф. 3, оп. 3, ед. хр. 56).

Ниже публикуются 13 писем Бунина и 14 писем Черемнова (последние печатаются в выдержках).

Тексты писем Бунина подготовила Л. К. Куванова, тексты писем Черемнова Л. П. Афонин.

¹ См., например, статьи: В. Львов-Рогачевский. Символисты и наследники их. — «Современник», 1913, кн. VI, стр. 306; С. Касторский. М. Горький и поэты-знаемецы (в кн.: «М. Горький и поэты „Знания“». М., 1958, стр. 48—49, 51).

² Подробную характеристику творчества Черемнова см. С. Касторский, указ. ст., стр. 48—51.

1. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клеевка, 29 мая 1912

Дорогой Иван Алексеевич,

Вернувшись в Клеевку, получил и ваши книги и вашу бандероль¹. Спасибо вам огромное за последний том, и мама благодарит за «Перевал», (которого, кстати сказать, я тоже не читал). Над стихотворением «При дороге» плачу слезами умиления, но прежнее заглавие («Окно») мне все же кажется более выразительным для этой дивной миниатюры. Прекрасно, великолепно, — и переживет нас лет на триста, когда многие забудут, что поэт Бунин переводил мистерии Байрона. «Разбойник» тоже очень хорош, не хуже пушкинских песен, но сделан — воля ваша — довольно небрежно: несрифмованные строки понижают впечатление. Какие есть славные рифмы к слову «литургии»... А как хорош ваш «Дворецкий». И вы еще раздумывали, включить ли его в книжку. Относительно вашего «Берега» уверен, что какая-нибудь рационалистическая секта включит его в похоронный ритуал. Он достоин быть погребальным хоралом в великой пантеистической церкви будущих веков. Не могу до сих пор повторять его без наплыва самых сложных чувств. А «Зимняя вилла» вот нехороша, — бог с ней².

Решительно, в России пока один поэт — вы, а когда я начну писать стихи, — будет двое.

Бандероль ваша явилась как бы ответом на мое письмо о самоиздательстве и о Клевосте (а может быть, так оно и есть?) и очень меня опечалила. Подумайте сами, много ли в России крупных писателей, которые не закабалили себя разным Марксам и Цейтлиным, и те дробятся на малюсенькие группы³.

И что за компания у вас организовалась? Юлия Алексеевича я не беру в расчет — он не беллетрист. Телешов и Вересаев — два почтенных имени, но три ласточки весны не делают. А далее идут у вас все прекрасные незнакомцы, с большими, вероятно, именами на Сивцевом Вражке и Швицкой горке, но далеко не столь популярные за пределами этих мест.

Что же до Клевостова, то всего лучше спросить о нем откровенно Аверьянова. Вы его знаете и, кажется, уважаете. Могу признаться, что мое письмо к вам было им инспирировано (...)

Искренне любящий вас ваш А. Черемнов

¹ Как видно из писем 2 и 3, Бунин послал Черемнову протоколы заседаний только что организованного «Книгоиздательства писателей в Москве», а также два своих сборника, выпущенных «Московским книгоиздательством»: „Перевал“ и другие рассказы 1892—1902 гг.» и «Рассказы и стихотворения 1907—1910 гг.»

² Все эти стихи вошли во второй из указанных сборников. Стихотворение «При дороге» в первой публикации («Новая жизнь», 1911, № 13) называлось «Окно». «Разбойника» («О Петре-разбойнике») Черемнов сравнивает с пушкинскими «Песнями западных славян».

³ 22 марта 1912 г. состоялось учредительное собрание кооперативного «Книгоиздательства писателей в Москве» (1912—1923). Оно было создано по инициативе членов «Среды» с целью оградить интересы писателей от произвола крупных издательских фирм, подобных «Товариществу А. Ф. Маркс» или издательству Н. С. Цейтлина «Просвещение». В первые месяцы своего существования «Книгоиздательство» называлось «Торговый дом Д. Голубева, С. Махалова и К^о». Руководящую роль в нем играли В. В. Вересаев, Н. Д. Телешов и Бунин, членами стали почти все участники «Среды». В 1911—1914 гг. в Петербурге существовал еще один кооператив — «Издательское товарищество писателей», среди организаторов которого были М. В. Аверьянов и Н. С. Клевостов. Первоначально Бунин принял в нем участие (в «Сборнике первом» этого издательства напечатан его рассказ «Ночной разговор»). Это предприятие вскоре распалось, и большинство его членов вошло в московское «Книгоиздательство» (см. настоящ. книгу, стр. 602).

Черемнов считал ошибкой существование двух параллельных писательских кооперативов. В письме 21 мая 1912 г. (ГМТ, 3195/8) он убеждал Бунина не бросать петер-



БУНИН И ЧЕРЕМНОВ В КЛЕЕВКЕ

Фотография, 1912

На обороте надпись Бунина: «В имении поэта Черемнова в Вит(ебской) губ. лето 1912 г. 1-й ряд Н. А. Пушешников и В. Н. Бунина (Муромцева). 2-й ряд. Приемная мать Черемнова, я, Черемнов»
Парижский архив Бунина

бургское дело и отказаться от участия в новом издательстве: «Так дробить свои силы равносильно самоубийству», — цитировал он слова С. Н. Сергеева-Ценского. В том же письме Черемнов выражал сомнение в деловых качествах Н. С. Клестова, который принял на себя управление делами «Книгоиздательства» (до этого он вел дела петербургского «Издательского товарищества»).

2. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ и М. П. МИЛОВИДОВОЙ

30 мая 1912 г.

⟨с. Глотова, ст.⟩ Измалково, Орловской губ.¹

Дорогие Мария Павловна и Александр Сергеевич, еще раз благодарим вас за ваше радушие, ваше приглашение, просит передать вам благодарность и брат Юлий, который, если будет возможно, с величайшим удовольствием заедет познакомиться с вами по пути из-за границы. Он сейчас здесь, за границу собирается на июль, в какое время думаем и мы покинуть недельки на две Глотова для путешествия в ваши владения ².

Надеемся, вы уже вернулись из северного Вавилона? Желаем вам всех благ земных и самой дивной погоды! Мы — совершенно неожиданно — наслаждаемся ею уже с полмесяца, но работаем неважно, исключая Николая Алексеевича, гнущего свою спину, столь привыкшую к дивану, над Клейстом ³. Вера чувствует себя так себе, но — и разумно — не налегает на работу, а меня сглазил Александр Сергеевич: еще ни одного гроша не заработал я, сидя здесь! Да есть, впрочем, некоторое оправдание сему: перечитывал, правил книгу своих новых рассказов, которую в конце августа выпускает в свет «Книгоиздательство писателей» в Москве ⁴. Да, — как вы могли это видеть из протоколов заседаний этой компании, послан-

ных мною вам, — я вошел в это книгоиздательство и весьма был бы рад видеть в нем и вас, Александр Сергеевич. Думаю, что в Питере дело пропало, там только перессорились все и никто из писателей не внес ни единой копейки. А в Москве, дай бог не сглазить, дело стоит прочно: и деньги есть, и организация солидная. Голубев и Махалов * — наши давнишние знакомцы, Клецов будет только техническую часть дела вести, да и то под контролем наблюдательного комитета. Спасибо вам, дорогой, за дружеский зов в питерскую компанию, но принять его, как видите, я уже не могу⁵. Был бы рад, повторяю, видеть и вас в нашей компании. Подумайте. Посылаю вам еще листок — правила наши. К изданию намечены у нас уже четыре книги — моя, Зайцева, Шмелева («Человек из ресторана») и Телешова. Сохраните, пожалуйста, в тайне содержание протоколов заседаний... Да пишите побольше стихов — ведь, думаю, не миновать нам и сборников. Книга стихов, надеюсь, готова?⁶

Посылаю вам еще том моих словосочинений. С трепетом жду отзыва в «Заветах»⁷. Поддержите мой вы — запуган я критиками. Есть милостивые, но есть и свирепые: начинают во здравие: «дивно, красочно, сильно...» и т. д. и т. д. А в конце: «а все-таки барин, погромами запуган...» Больше всех, кажется, Амфитеатров старается: на днях написал в «Одесских новостях», что я «головой выше и Горького, и Андреева, и Куприна», но... но совсем не имею любви⁸. Вот и угоди тут! Буду развивать в себе помаленьку и любовь. Да боюсь, что поздно — ведь слышали? — юбилей мой осенью 25-летний.

Пока до свидания. Ждем вестей от вас (и пародий от вас, Александр Сергеевич!), от души желаю всего доброго.

Ващ Ив. Б у н и н

<Рукой В. Н. Муромцевой>

Крепко целую дорогую Марию Павловну и жму руку Александру Сергеевичу.
В. М.

Ответ на письма Черемнова 14 и 21 мая 1912 г., написанные из Петербурга (ГМТ, № 3195/7—8).

¹ См. настоящ. кн., стр. 469.

² Бунин вместе с женой и Н. А. Пушешниковым приехал в Клеевку 3 июля 1912 г. и пробыл там до 15 августа; Ю. А. Бунин приехал в конце июля («Материалы», стр. 175—176). 9 июля Черемнов писал Горькому: «Генерал сразу засел за работу и нас, грешных, с великою жестокостью к сему понуждает. Мы же яко рабы ленивые и лукавые токмо при глазах его превосходительства, академика и кавалера, со многою неохотою за писание садимся на некий час малый и по сем к пеннию и гулянию и иным утешкам обращаемся, чего для многократно не токмо ругаемы препохабно, но и биты из собственных его, кавалера и академика, рук бываем, но сие втуне. Сказывали воне, что подобает нас, нерадивых, четверным поленом бить по завету святых отцов и многое иное говорено к превеликой нашей конфузии и нашему посрамлению. Сам же, с верьху не слезая, до кровавого поту труждается и мало видим бывает» (АГ, Кг-П, 85¹⁵/₃, л. 20—20 об.).

³ Н. А. Пушешников переводил трагедию Г. Клейста «Пентесилея». Эта работа, в которой принял участие Черемнов, не увидела света, так как вскоре появились перевод этой трагедии, выполненный Ф. Сологубом.

⁴ Сборник «Суходол». Повести и рассказы 1911—1912 гг.» вышел в конце сентября 1912 г. («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 69).

⁵ См. п. 1, примеч. 3.

⁶ В 1912 г. «Книгоиздательство писателей» выпустило, кроме «Суходола», новое издание сборника «Перевал», сборник Н. Д. Телешова «Домой» и другие рассказы. Роман Б. К. Зайцева «Дальний край» и «Рассказы» И. С. Шмелева («Человек из ресторана», «Патока») вышли в 1913 г., так же как «Стихотворения» Черемнова и первая книга сборников «Слово» (всего за 1913—1918 гг. их вышло 8 книг).

⁷ 14 мая 1912 г. Черемнов сообщил Бунину о своем намерении написать для журнала «Заветы» статью о нем. В связи с этим Бунин посылает ему только что вышед-

* Драматург С. Разумовский.

шие «Стихотворения» (изд. 2. М., 1912); еще две книги были отправлены раньше (см. п. 1, примеч. 1). Свое намерение Черемнов не осуществил.

⁸ А. В. Амфитеатров писал, сравнивая Бунина с Горьким, Куприным и Андреевым: «... как образец ровной виртуозной силы, он головою выше всех названных»; однако «народная идея» в его произведениях отсутствует, поскольку «нету в сердце г. Бунина другой первобытной и пламенной силы: Любви» («Одесские новости», 1912, № 8724, 19 мая).

3. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевевка, 12 июня 1912

«Милостивое внимание вашего превосходительства...вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... Жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...»

Ч е х о в. «Толстый и тонкий».

Дорогой Иван Алексеевич.

Получил вашу книгу и письмо, и за то, и за другое — горячо благодарствую <...>

В письме вашем последнем очень обеспокоило меня то, что вы просите сохранить в тайне протоколы заседаний. Между тем, я уже успел насплетничать Аверьянову о Клевостове, т. е. написал ему все, что Клевостов говорил у вас на собраниях, не предполагая, что пользуюсь в некотором роде секретным документом <...>

Вижу я и сам, что питерское дело помирает медленной, но неизбежной смертью. Изда-писатели переругались и поразъехались, и сидит Витька Муйжель один-одинехонек¹. А жалко. С каким интересом отнеслись к этому делу и магазины, и типографии, и матушка-публика. Дай бог успеха Москве <...> Я же с большой охотой внесу пай в ваше предприятие, если вы сделаете честь рекомендовать меня вашим сочленам <...>

Получил недавно письмо от Алексея Максимовича. Пишет, что у них на Капри стало весело: наехали русские художники и красят полотна большие и малые, а также штаны свои и бороды. Пишет, что Сургучев прожил у них месяц².

Радуюсь, что Николай Алексеевич придет в Клевевку сам-друг с Клейстом. Авось, из этого Клейста мы сварим общими силами хороший клейстер.

Вере Николаевне кланяюсь, ручки целую, вам — привет, благодарность и лучшие пожелания.

Радумся вашему обещанию и ждем с нетерпением.

Ваш А. Черемнов

На конверте: Заказное. Почт. отд. Измалково, Орловской губ. Имение Глотова. Его превосходительству Ивану Алексеевичу Бунину. От А. Черемнова, п. о. Нащокино, Витеб. губ. Почт. шт.: Нащокино Вит. 12.6.12; Измалково Орлов. 15.6.12.

Ответ на п. 2.

¹ Виктор Васильевич Муйжель (1880—1924) был членом правления петербургского «Издательского товарищества писателей».

² Это письмо Горького неизвестно.

4. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевевка, 5 октября 1912 г.

Дорогой Иван Алексеевич.

Рад был душевно получить от вас несколько строк, а из письма Хлюпа Воргольского узнал, что вы уже в Москве¹. <...>

На этих днях получил письмо от Горького. Зовет меня в «Современник», который реформирован², принять участие в отделе политической и общественной сатиры, где, кроме нас, будут подвизаться еще: Амфитеатров,

Саша Черный и Николай Иванов из «Киевской мысли». Посралим мы с Максимычем Аверченку и Таффи³.

А у нас хорошо. Стоит ясная, погожая осень и листопад совсем бунинский, т. е. очень декоративный. <...>

Ваш А. Черемнов

На конверте: Заказное. Москва. Столовый пер., д. 11. Его превосходительству Ивану Алексеевичу Бунину. От А. Черемнова, п. о. Нацокино, Витеб. губ. Почт. шт.: Нацокино Вит. 6.10.12; Москва. 1-е почтов. отд. 8.10.12.

Письмо Бунина, на которое отвечает Черемнов, неизвестно.

¹ В Москву Бунин приехал в конце сентября («Материалы», стр. 177). Хлюп Воргольский — шутовое прозвище Н. А. Пушешникова.

² В сентябре 1912 г. журнал «Современник» (1911—1915), ранее издававшийся под редакцией А. В. Амфитеатрова, перешел в руки Е. А. Ляцкого. Тогда же в состав редакции вошел Горький. Однако противоречия его демократических устремлений с буржуазно-либеральной позицией Ляцкого и меньшевистскими тенденциями других членов редакции вскоре заставили Горького отказаться от участия в журнале — в апреле 1913 г. он порвал с «Современником». История участия Горького в «Современнике» и ухода его из этого журнала подробно освещена в кн.: К. Д. Муратова. Горький на Капри. 1911—1913. Л., 1971, стр. 15—60.

³ См. письмо Горького Черемнову 19 сентября/2 октября 1912 г. («Архив А. М. Горького», т. VII. М., 1959, стр. 113). 5 октября 1912 г. Черемнов ответил согласием на предложение Горького (АГ, Кг-П, 85 $\frac{3}{17}$), однако сатирический отдел в «Современнике» не состоялся.

5. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

<Москва, 10 октября 1912 г.>

Дорогой, сейчас получил ваше письмо. Спешно пишу — посему простите открытку. Прежде всего: единогласно избраны вы членом «Книгоиздательства писателей» (Никитский бульвар, 6, Николаю Семеновичу Клестову). Шлите 200 р. Думайте о книге стихов¹. Едете? Куда? Секрет? Поздравляю с саном сатирика. Купили ли уже бич? Хлюп скоро садится за Киплинга, молит бога за вас — для одоления Пенти². Живем в Лоскутной. Сюда и пишете.

Целую. Кланяемся Марии Павловне и всем вашим.

И. Б.

Открытка. На обороте: Нацокино, Витебск. губ., имение Клеевка. ЕВ Александру Сергеевичу Черемнову. Почт. шт.: Москва, 10.X.1912; Нацокино Вит. 12.10.12.

Датируется по почтовому штемпелю.

Ответ на п. 4.

¹ См. п. 2, примеч. 6.

² В 1913—1915 гг. Н. А. Пушешников переводил Киплинга, «Собрание сочинений» которого выпускало «Книгоиздательство писателей». «Пентя» — «Пентесилея» (см. п. 2, примеч. 3).

6 ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клеевка, 15 октября 1912

Дорогой генерал.

Письмо ваше получил в один день с извещением Клестова и вчера еще отправил ему 200 р. Очень польщен единогласным избранием, которое несомненно доказывает, что моя долгая и разносторонняя литературная деятельность не создала мне врагов в московских писательских кругах: пример единственный в этом роде.

В поездке моей секрета нет, а только неприятность. Предполагали мы ехать в Италию, но некстати подвертывается случай приобрести в Крыму кусок земли пространством в 900 кв. сажен. Древний демон стяжания сел мне на плечи и гонит в Крым. Не знаю, где мы будем жить. В Алушке смерть надоело и нисколько не интересно.

БУНИН

Дружеский шарж
А. Пэка (В. А. Ашкинази).
Тушь, перо, 1910-е годы
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград



Это время принялся я за Пентю и работа идет удачно, но приходится на время оторваться для «Современника» — стихов туда нужно дать несколько штук и, кроме того, пробую написать в прозе небольшую вещьцу в игривом роде, в стиле Аверченки и Горького¹. Кстати, что вы скажете о его «Сказках»?² Некоторые мне понравились, но это не его жанр. Он напоминает танцующего слона в цирке Чинизелли и лишний раз доказывает, что умный и талантливый человек все может делать хорошо и занимательно. Впрочем, мне хотелось бы писать о нем только хорошее: так удивительно мил и симпатичен во всем этот Алексей Максимович. Недавно пишет мне о книге Ляцкого (Письма Чернышевского) и проектирует ей заглавие: «Житие иже во святых отца нашего Николая Чернышевского»³.

Со временем и о нем напишут то же самое и еще с ббльшим правом. Он будет очень красив в истории. И вы тоже будете очень колоритны, если, впрочем, не кончите по трафарету, т. е. купите домик на Варварке, заведете ангорскую кошку с вечным расстройством желудка и четыре больших фикуса в гостиной. Но этого, конечно, не будет. Меня все подмывает написать о вас большую статью в «Заветах», да как-то стыдно хвалить начальство⁴. Кстати, вы на «Заветы» сердиться не должны: дермановы глупости высказаны даже в белоусовском «Пути»⁵ <...>

Поцелуйте Хлюпа крепко. Вас целую. Не забывайте.

Любящий вас А. Черемнов

Ответ на п. 5.

¹ См. п. 4 и примеч. 3.

² В августе или сентябре 1912 г. вышли отдельным изданием «Русские сказки» Горького (М. Г о р ь к и й. Сказки. Изд. И. Ладъжннкова. Берлин, 1912). Тогда же «сказки», не вошедшие в берлинское издание, печатались в периодической печати («Современный мир», 1912, № 9; «Правда», 1912, № 31, 30 сентября, и др.).

³ 19 сентября/октября 1912 г. Горький писал Черемнову по поводу переписки Чернышевского, опубликованной Е. А. Ляцким («Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», вып. I, 1865—1875. СПб., 1912): «Какая трагическая книга и как „житие“ этот удивительный русский революционер. Да, можно писать „Житие преподобного Николая Чернышевского“. Иже во святых. *Иже во святых*» («Архив Горького», т. VII. М., 1959, стр. 113).

⁴ См. п. 2, примеч. 7.

⁵ В журнале «Заветы» (1912, № 7, октябрь) была помещена статья Р. В. Иванова-Разумника «Два юбилея»; автор ее утверждал: «... о деревне в произведениях И. А. Бунина всегда судит (независимо от воли автора) русский дворянин в фуражке с красным околышем» (стр. 158). Несколько ранее Н. В. Мешков, критик журнала «Путь», писал в рецензии на сборник «Перевал» (М., 1912), что одним из «основных мотивов» бунинского творчества является «влияние Чехова — в смысле передачи неопределенно-пессимистического настроения», «растерянности и оторванности от родной природы и народа» («Путь», 1912, № 7, стр. 165).

7. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

10 июня 1913. Клевка

Дорогой Иван Алексеевич.

«Отец Кир», несомненно, — фрагмент нового романа Бунина. Этот поп наделяет, пожалуй, больших делов, не ручаюсь за его поведение (...). Очень уж здоровенный попище. Как хорошо это, что у него коричневые зубы и что в него влюбляются девицы с тугими икрами ¹ (...).

Я тоже пишу прозу. С непривычки стыдно и страшно. Все хочется погуце и выходит густо, как застывший гуммиарабик.

Горький прислал письмо ² (...). Чтобы скрасить его безрадостное существование, я послал ему вашего «Художника» ³. Пусть старик поплачет. А вы больше не будете читать мне ненапечатанных стихотворений. Я запомнил его от первой до последней строки. Что из этого следует? Что оно переживет нас с вами и дождетя дней, когда люди научатся понимать и любить хорошие стихи (...).

Отпишите мне также вот о чем: серьезно ли вы думаете ехать в Асуан. Сделайте милость, поедem пожалуйста. Я тогда приму все меры, чтобы набрать уйму денег к отъезду ⁴.

Пишите же, милый генерал, когда думаете приехать, ведь у меня на шее Кисловодск, а вас мне хочется пуще Кисловодска, ей-же богу, не лгу.

Мама и я шлем привет Вере Николаевне. Целую вас крепко

Ваш А. Черемнов

¹ Под названием «Отец Кир» был опубликован отрывок из первоначальной редакции рассказа «Чаша жизни» («Русское слово», 1913, № 120, 26 мая).

² Письмо Горького неизвестно.

³ «Художник» — стихотворение о Чехове и его доме в Ялте (Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 308). 30 мая 1913 г. Черемнов писал Горькому: «Он (Бунин) теперь исхудал так, что виден только в профиль, а с лица — точный пещерный угольник, но бьет ключом, как всегда, и, мне думается, все растет и растет. Будучи у меня в последний раз в гостинице, он читал свое новое, еще не оконченное стихотворение „Художник“. Пользуясь адской своей памятью, я приведу его вам ...» (АГ, Кг-П. 85³/₁₉). Горький опубликовал это стихотворение в «Современнике» (1913, № 5).

⁴ Планы этой совместной поездки не осуществились.

8. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевка, 14 июня 1913 г.

... Дорогой мой, если вас в Одессе обкормили черноморской кефалью, опоили бессарабским вином Кристи и если вам брюхом захотелось севера, то собирайте пожитки и приезжайте к нам. Сил моих нет, как мне хочется вас видеть. Только с вами я становлюсь умным человеком и чувствую себя писателем, вдали же от вас и долго вас не видя, я делаюсь глупее всякого Дмитрия Цензора ¹. Ах, милый, славный, как это жалко, что вы — человек бездомный и одержимый манией скитания. Вам надо жить в центре и

чтобы все молодые поэты ходили бы к вам по субботам как во время оно мужички в волостное — «сечься».

У нас погода наладилась. Живем однообразно. Я сижу здесь, как гвоздь в стене. Думаю ехать в Кисловодск в двадцатых числах июля: шурия мой там лечит ревматизм, надо его навестить. Неужто мы до того времени не увидимся.

Мама целует Веру Николаевну, а вам кланяется и просит вас обоих в Клеевку <...>

Ваш А. Черемнов

¹ Дмитрий Михайлович Цензор (1877—1947) — поэт.

9. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

<Одесса, 2 июля 1913 г.>

Дорогой Александр Сергеевич, нынче 2 июля — вот когда я, бесстыжий, собрался ответить вам: это, впрочем, и наказание тому, кто так легко, отлично пишет письма, но совершает это тоже весьма редко. А помимо наказания, есть и другие причины моего молчания: мы с Юлием путешествовали на итальянском пароходе (где я чуть не умер с голоду) — были в Батуме, в Трапезунде, Керасунде, Инеболи, Самсуне, Константинополе, Констанце, Бухаресте, Яссах и гнусном Кишиневе — после чего я погибал от нарыва в горле ¹. Как видите — причины основательные и имеющие своим последствием то, что о поездке к вам мне и думать нечего, сколь ни благодарен я вам с милой Марией Павловной за приглашение и сколь ни хотелось бы мне повторить чудесные впечатления от Клеевки, песков, бора, теплых ночей и наших бесед ночных ². Думаю, что и Хлюпу не до поездки: трудится, бедняга, над Кипплингом ³. А вам, по-моему, надо безвыездно сидеть в этой самой Клеевке: пора, дорогой, пописать толком, — в сотый раз говорю это! Дай бог успеха в прозе — и не бойтесь густоты: стихотворцу без этого не обойтись.

Новостей у нас нету. Живем тихо, благородно. У нас Юлий, брат Веры — Павлик, Николай Андреевич — отец ее, — который, впрочем, на днях уезжает. Писать путем я еще не начал. Готовил к изданию новый том ⁴. Редактирую собрание сочинений для «Нивы» — продал для приложения ⁵. За похвалу «Киру» — спасибо. Что будет с ним — это пока секрет изобретателя.

Неужели и правда, что вы «Художника» запомнили? Чудо природы вы, да и только, — девятое чудо! А Горький что-то примолк. Уже с месяц нет писем. В последнем извещал меня о своем полном разрыве с «Современником» ⁶. Опять разрыв!

Была у нас здесь Мария Федоровна. Вы, конечно, знаете о поступлении ее на сцену — в «Свободный театр» в Москве? ⁷

Об Асуане надо крепко подумать. Это было бы дивно хорошо! Да что до вас — не верю, не поедете! Куда вам, сидню? А повторяю, это было бы умственно — пожариться на солнце.

Ну, рука устала. Крепко вас целую, низкий поклон Марии Павловне от всех нас. Пишите пожалуйста.

Ваш душой Ив. Бунин

Ответ на п. 7 и 8.

¹ Эта поездка состоялась в начале июня 1913 г. («Материалы», стр. 190).

² О пребывании Бунина в Клеевке летом 1912 г. см. п. 2, примеч. 2, а также в письмах Бунина Горькому 12 августа 1912 г. («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 66) и В. Н. Буниной Ю. А. Бунину 9 июля 1912 г. («Материалы», стр. 176).

³ См. п. 5, примеч. 2.

⁴ Сборник «„Иоани Рыдалец“. Рассказы и стихи 1912—1913 гг.» (Книгоизд-во писателей в Москве, 1913); вышел в ноябре.

⁵ Договор об издании «Полного собрания сочинений» Бунина в качестве приложения к журналу «Нива» подписан 7 мая 1913 г. («Горьковские чтения 1958—1959», стр. 72).

⁶ Это письмо неизвестно. Об участии Горького в «Современнике» см. п. 4, примеч. 2.

⁷ В мае 1913 г. М. Ф. Андреева поступила в московский «Свободный театр».

10. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевка, 16 сент(ября) 1913

Дорогой мой Иван Алексеевич.

Во-первых, спешу сообщить, что сегодня я узнал о вашей болезни и думаю, что это реникса. Сказала мне одна дама, которая это прочла в одной газете, а в какой — она забыла. Сам же я газет не читаю вот уже с полмесяца. И так, уповаю, что сие — ложь ¹. Вы здоровы, бодры и жизнерадостны и собираетесь в Египет, куда и мы тоже собираемся ехать с вами.

А второе, — целую вас за «Мушкет» и весьма рад быть вашим современником ². Друг мой! Князь русской поэзии! Внемлите моей мольбе: вернитесь к стихам, ведь этот дар ваш оттуда же, откуда и все другое.

«Мушкет» ваш — чудо. Я сразу взвился, когда его прочел. Вот это эпос, т. е. то именно, что нужно. Довольно лирики и баб. Все современные поэты стоят в одной позиции: подняв заднюю ногу на куст. Ах, милый-славный, как вам нужно быть здоровым. Как, повторяю это с гордостью, счастлив я жить в одно время с вами.

Скажу вам не хвалясь: все это и я бы мог написать... И «азовские подолья», и «на татарках алый цвет», и кости в траве — все. Но вот чего я никак не мог бы написать, хоть проглоти перо:

Черт повил в жгуты,
Засушил в густой крови их чубы.

Вот это самое настоящее и есть. И если бы вам не удалось так ловко пустить по лиману (какой же в Стамбуле лиман, господин хороший!) эту чубатую мушкетову башку, то у меня так и осталось бы впечатление этих засохших чубов, — до конца. Но у вас все значительно, хотя, повторяю, эти две строки стоят всего остального.

Я прочел «Мушкет» и вижу, что нивы русской поэзии еще не возделаны и много целины, над которой стоит работать.

Поедьте в Египет. Я очень хочу туда. Недавно К. Р. написал в «Ниве» преплохие и прескучные стишонки о Египте, но зато приложил хорошие фотографии ³. Стишков его августейших я не читал порядком, но снимками полюбовался. Хорошо было бы, если бы он впредь на них и специализировался. И вот хочу ехать в Асуан — прямо до болезни. Поедьте-ка, право<...>

От Горького имел письмо летом, но не ответил ему. Писал в мае, передавая свои московские впечатления. Он очень благодарил меня за описание футуриста Шершеневича. Ему, видите ли, никак было не представить живого футуриста. «Все какие-то рыбо-ящеры мерещились. Теперь вижу: накрашены и с мушкой. В особенности такая фигура выигрывает в красоте, будучи поставлена рядом с Гаршиным, Чеховым, Буниным». Это он хорошо сказал ⁴.

Ваш А. Черемнов

¹ В какой газете сообщалось о болезни Бунина, неизвестно. Реникса — чепуха. Эта шутка получила широкое распространение после появления «Трех сестер» Чехова (д. IV).

² «Мушкет» (Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 359) впервые опубликован в газете «Русское слово», 1913, № 212, 13 сентября. Черемнов цитирует стихотворение по тексту этой публикации.

³ В «Ниве» (1913, № 36) был напечатан цикл стихов К. Р. <Романова> «В Египте» в сопровождении его фотографий.

⁴ Это письмо Горького неизвестно. 30 мая 1913 г. Черемнов писал ему: «... были мы на реферате футуристов. Выступал там с рефератом некоторый млад юнош — Вадим Шершеневич, сын своего отца, на тему „Заполдень русской поэзии“. Реферат совершенно гимназический, но референт интересен: молодой парень, — весь накрашен, глаза подведены, на щеке мушка, в петлице иммортелька, словом не то Оскар Уайльд, не то б<...> с Кузнецкого моста. И держится при этом таким Юлием Цезарем, что невольно хочется его спросить: „Где это ты, щучий сын, так насобачился?“» (АГ, Кг-П 85 $\frac{3}{19}$).

11. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клеевка, 1 ноября 1913

Дорогой Иван Алексеевич.

... Мне вы не пишете и писать не желаете, бог с вами. В самой сущности я понимаю это и вовсе не сержусь. Увы ... Я знал вас скромным писателем и академиком, а ныне вы — почетный член московской оппозиции российскому правительству и с высоты инцидента смотрите на мою плешь¹. Везет вам, дорогой мой, как утопленнику. Помните, я говорил в Клеевке, что вам для биографии необходимо учинить что-нибудь эдакое экстраординарное: вздуть Леонида Андреева, или жениться на четырех египтянках <...> Теперь в этом нет надобности, — само пришло.

Шуток кроме, любимый мой, я еду в Египет и далее и зову вас туды. Вы говорили в письме своем, что непрочь, и весьма язвительно изволили назвать меня сиднем и усомниться в том, что я двинусь куда-нибудь дальше Кисловодска. Теперь извольте отвечать <...>

Пожалуйста, не думайте, что я боюсь тащиться один и потому вас зову. Нет, да вы и неудобны в чужих краях: вы деспотичны и будете мешать мне в ухаживаниях за длиннозубыми американками, вы не позволите мне лезть в пирамиду Гизеха и восхищаться ее бедкеровыми примечательностями². Дело все в том, что (как я уже, кажется, писал когда-то) вы — мудрец, и все молодые поэты должны к вам ходить, как мужички ходили в волостное — «сечься»³. Кольми паче полезно провесть с вами сезон, — можете понять. Кроме того, я вас просто люблю, — вот и все <...>

Здоровье еще не важно, а как ваше? Эй, поедем, право, там ведь почки-то как летачья!⁴

Ваш А. Черемнов

¹ Подразумевается инцидент на банкете по поводу юбилея газеты «Русские ведомости» (см. «Материалы», стр. 191—193).

² Бедкер — немецкая издательская фирма, выпускавшая путеводители для туристов.

³ См. п. 8.

⁴ См. п. 7, прим. 4.

12. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клеевка, 16 ноября 1913

Дорогой Иван Алексеевич.

Получил ваше письмо и огорчился — но решения не переменял: едем в Египет в конце этого месяца из Одессы, где я рассчитываю найти сносный пароход прямого Александрийского рейса.

Вам я не завидую. Крым зимою не много лучше Одессы. К тому же, я знаю, вы ни за что не поселитесь в «тихом интеллигентном семействе», а устроитесь в гостинице. Там вас накормят тухлой кефалью. Вы броситесь в другую. Там вас изведет бравый жандармский ротмистр, который будет звенеть за стеною шпорами. Вы — в третью. Там румынский оркестр

каждый раз играет по десяти раз «танго», за соседним столом обедает фельетонист «Русской Ривьеры» <...>, кругом много чахоточных, у лакея на фраке рыжие пятна. Вы бросите Крым и начнете до самой весны метаться в пространстве, как всегда бывает, ежели сразу и крепко не решить, где проводить зиму.

Что до моих похвал вам, то вы сами знаете, насколько они искренни. Все смешается в корзине забвения и все забудется, но стихи ваши переживут и Эйфелеву башню, и Немировича-Данченко¹, и Мюра и Мерилиза. В истории российской словесности через триста лет будет напечатано, что жил Бунин-поэт, что он хорошо писал прозу, но все же похуже Толстого, а стихи он писал лучше Толстого и лучше своей прозы; но что стихи тогда мало раскупались и Бунин забывал их для прозы и что это очень и очень жаль. Это факт, как говорит Максимыч. Я же скажу откровенно: стихи ваши я люблю и прозу люблю. Но разница моей любви та, что стихов ваших я жду и, встречая подпись, волнуясь от предвкушения, а прозу... Я вот теперь перечитываю «Войну и мир» — и ничего другого читать не хочется. Вот бы что-нибудь этакое написать, или «Вечера на хуторе», или «Повести Белкина», или «Тамань» какую-нибудь... Важно!

Дивно-хороша ваша «Степь Моздокская»². Эпически сильно и от краткости еще сильнее <...>

Пьет глаза он до донушка,
Собирает по косточкам дань...
Сторона ли моя, ты сторонушка,
Вековая моя глухомань...

Мамочки мои, — как хорошо.

Ежели вы напишете мне в Одессу (Петербургская гостиница на Екатерининской площади) о том, где остановиться в Каире, то премного обяжете маму и меня <...>

Ваш А. Черемнов

Письмо, на которое отвечает Черемнов, неизвестно.

¹ Выпад в адрес писателя Василия Ивановича *Немировича-Данченко* (1848—1936), восемнадцатитомное издание сочинений которого выходило в 1912—1915 гг.; к концу 1913 г. вышло 15 томов.

² Стихотворение «Степь» (Собр. соч. 1965—1967, т. 1, стр. 355); впервые опубликовано в сб. «Иоани Рыдалец» (М., 1913), по которому его и цитирует Черемнов.

13. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

<Москва, 17 ноября 1913 г.>

Дорогой, я, жестоко простудившись, воротился в Москву¹. Не нынче, завтра напишу вам. Сейчас в голове муть. Кланяемся Марии Павловне.

Ваш Ив. Бунин

Столовый, д. № 11
17 ноября

Открытка. На обороте: Нащокино, Витебской губ. Имение Клеевка. ЕВ Александру Сергеевичу Черемнову. {Почт. шт.: Москва. 17.11.13; Нащокино Вит. 18.11.13.

¹ Бунин вернулся из Кисловодска, где провел около двух недель («Материалы», стр. 194).

14. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевка, 19 ноября 1913 г.

Дорогой Иван Алексеевич.

Мы уже уложили чемоданы, когда я получил вашу открытку. Предполагали ехать завтра, но теперь останемся еще на два дня, чтобы получить ваше письмо или телеграмму. Это на тот конец, ежели (как я думаю) вы все же вняли голосу своих почек и моих писем и решили ехать в Египет¹ <...>

Очень хотелось бы с вами, очень. Думается, и вам было бы нелишне пожариться в Асуане месяца три. Это не то, что Ялта, где плюнуть негде и выйти некуда. А какие морские стихи складываются у меня в голове. Самому Бунину в пору, такие красочные:

Морской залив изогнут мягким знаком.
На небе — синька. В море — вохра, ярь.
На корабле внизу, за черным лаком,
Сквозь купорос краснеет киноварь.
На глади вод поникшие ветрила,
Как в бирюзе свинцовые белила.

<...> Пишите до востребования.

Ваш А. Черемнов

Ответ на п. 13.

¹ См. п. 7, примеч. 4.

15. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевка, 9 июня 1914

Дорогой Иван Алексеевич.

Узнал от Юлия Алексеевича ваш адрес и пишу вам в надежде, что вы получите мое письмо до отъезда в полярные страны. Ибо Юлий Алексеевич писал мне, что вы намерены в ближайшем будущем ринуться по следам викинга Фритьофа, капитана Гаттераса, Немировича-Данченко и прочих героев Севера¹ <...>

Я — старый дурак — писал вам, что стихи ваши лучше вашей прозы². Не верьте. Проза ваша переживет все стихи последнего столетия. Я читаю вашего Рыдальца двенадцатый раз³ <...>

Напишите мне, сделайте милость, обо всем, что случилось в издательстве. На днях писал мне Клестов, говорил, что дела идут блестяще и что недурно бы внести пай тысячи в три. Это вещь сурьезная. Писал, что книги теперь принимаете вы, а сборники редактирует Вересаев. Так вносить им три тысячи или не вносить? <...>

Целую вас крепко.

Ваш А. Черемнов

¹ Бунин намеревался поехать на Белое море и Ледовитый океан, но отказался от этих планов. Вместо этого он совершил с Юлием Алексеевичем поездку на пароходе от Саратова до Ярославля (см. п. 16).

«Викинг Фритьоф» — Фритьоф Нансен; в 1913 г. он, по приглашению русского правительства, совершил путешествие вдоль берегов Северного Ледовитого океана до устья Енисея и далее по Сибири. «Капитан Гаттерас» — герой романа Жюль Верн «Путешествие капитана Гаттераса к Северному полюсу». Вас. Ив. Немирович-Данченко — в начале 1870-х годов путешествовал по Лапландии (северная часть Финляндии), Соловкам и Лофотенским островам; результатом этих поездок были путевые очерки («За Северным Полярным кругом», «Соловки», «Очерки Севера»), которые неоднократно переиздавались.

² См. п. 12.³ Рассказ «Иоани Рыдалец» в одноименном сборнике (М., 1913).

16. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

3 июля 1914. Б. Фонтан, Херсонской губ.

Дорогой Александр Сергеевич, полярные страны я, подумав, решил оставить пока в покое, не бог весть как хорошо себя чувствую, а вот на Волге, в прибрежных ее городах и в Ростове Великом мы-таки побывали и остались довольны весьма и весьма: опять всем нутром своим ощутил я эту самую Русь, за которую так распекают меня разные Дерьманы, опять сильно чувствовал, как огромна, дика, пустынна, сложна, ужасна и хороша она. А уж про Ростов и говорить нечего! Нюрнбергу не уступит! Буду жив, еще десять раз побываю там, равно как и в Угличе, Пскове и т. д. Но устал за дорогу зверски — уж очень жарко было и насчет пищи плохо. Да и бок не перестает болеть. А посему сейчас и думать нечего о новых поездках, сколь ни хотелось бы мне увидеть вас и вашу милую страну. Уж, видно, до Москвы, где мне весьма желается провести зиму, и куда вы, конечно, приедете в начале осени? Приезжайте, дорогой, помните совет одного мужика Коле: «Не залеживайся, не задумывайся!» А пока одолеете свою святорусскую лень — напишите хоть немного! Я пока безгласен, чего вам от души не желаю. Если кончили Каприйскую поэму — пришлите, очень хочется знать, как изобразили вы всех нас вместе с Моргано и Монте Соляро¹.

Целую вас и прошу передать поклоны наши Марии Павловне.

Ив. Б у н и н

Ответ на п. 15.

¹ «Каприйская поэма» неизвестна. Возможно, что имеются в виду «Сказания» Черемнова (сатира на Горького, Бунина и других писателей, живших на Капри зимой 1913—1914 гг. — см. п. 24, примеч. 2).

17. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевка, 12 июля 1914

Дорогой Иван Алексеевич.

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль душой, им обманутой, так я
Свиданья с вами ждал, о академик...

Жаль, что вы не приехали к нам в июне. Погода стояла совсем в вашем вкусе: температура в тени 28, на небе ни облачка и теплые ночи. В довершение всего кругом загорелись леса и началась такая феерия, что никакому Коровину не изобразить. Солнце только к полудню пробивалось сквозь тучи дыма. Луна выползала багровым шаром и видом своим оправдывала утверждение Фердинанда Поприщина, что ее, луну, делает в Гамбурге хромой бочар¹. По ночам на поля и луга плыла гарь. Все это вам не мешало бы посмотреть и записать как эскиз к вашему роману «Русь», над которым вы работаете в настоящее время в Одессе² <...>

Я читал недавно в газете ваши воспоминания о Чехове, и они мне очень понравились. Взглянув на Антона Павловича через десять лет, сквозь призму вашей богатой души и сквозь легкий налет раздражения на современников, которых «бог дал мне в товарищи», вы прибавили много ценных черт к тому Чехову, которого так старательно стремились обезобразить Горький, Куприн, Елпатьевский и поэт Упрудиус³. Радуюсь я вашей манере письма, этому искреннему, раздраженному тону. Из всех «товарищей» вы один, пожалуй, подбавляете к чернилам крови сердца <...> Но, дорогой мой, вам пора делаться добрее. Судьба заботливо убирает с вашего



ГРУППА УЧАСТНИКОВ «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ В МОСКВЕ»

Фотография. Москва, 1917

Слева направо: в первом ряду А. С. Серафимович, И. С. Шмелев, Ю. А. Бунин, М. П. Чехова, Н. Г. Шкляр; во втором ряду — И. Г. Гонтарев, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов, В. В. Вересаев, Д. Я. Голубев, С. Д. Махалов (Разумовский), Н. С. Клецов (Ангарский)

Внизу — автографы изображенных лиц

Литературный музей, Москва

пути всякий сор и бурьян, и лучи читательского внимания падают на вас без помехи. Ведь как-никак через 50 лет вы умрете. Что за охота давать повод Чуковскому-внуку писать вашу биографию под заглавием «Злой талант».

Счастлив незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства⁴.

Впрочем, если я переживу вас, то непременно напишу о вас большую книгу. Она будет читаться так легко, как романы Дюма. Конечно, из этого не следует, чтобы вы поторопились умереть.

Нет, нет! Живи и царствуй бесконечно.
Народ и мы — погибли без тебя...⁵

Наболтал и нацитировал я кучу, а не сказал самого главного: что я вас люблю, дорогой мой, по-прежнему и несказанно рад буду видеть <...> Поэму пришлю, а лучше приезжайте читать ее в Клеевку.

Ваш А. Черемнов

¹ См. повесть Гоголя «Записки сумасшедшего».

² См. настоящ. кн., стр. 371 и 374.

³ 2 июля 1914 г. в газете «Русское слово» (№ 151) были опубликованы заметки Бунина «О Чехове. Из записной книжки». «Налет раздражения» в них относится к характеристикам, которые давали Чехову авторы критических статей и воспоминаний о нем: «Последние десять лет твердят: „чеховская нежность и теплота“, „чеховская грусть“, „чеховская любовь к человеку“, „певец вишневых садов“... И читать все это нестерпимо <...> Говоря о нем, даже талантливые люди порой берут неверный тон, порой говорят удивительные вещи». Далее приводится пример «театральной» передачи слов Чехова в воспоминаниях Куприна, а также искажавшая его подлинный образ характеристика в мемуарах Елпатьевского («Его всегда влекли к себе тихие долины, с их мглой, туманными мечтами и тихими слезами»). Там же приводится разговор с Чеховым о «Парусе» Лермонтова: «„Это стоит всего Б<рюсова> и Урениуса со всеми их потрохами“, — сказал он однажды. — „Какого Урениуса?“ — спросил я. — „А разве нет такого поэта?“ — „Нет“. — „Ну, Урениуса“, — сказал он серьезно» (Собр. соч. 1915, т. 6, стр. 305—306; Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 226, 234). Под Урениусом подразумевался поэт Ореус (И. И. Коневской), см. о нем настоящ. кн., стр. 444.

⁴ Иронически употребленная цитата из стихотворения Некрасова «Блажен незлобивый поэт...»

⁵ Негочная цитата из трагедии Пушкина «Борис Годунов». В начале письма цитата (три строки) из «Скупого рыцаря».

18. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

<Москва, 15 октября 1914 г.>

Дорогой Александр Сергеевич, ваше письмо от 12 июля пришло к началу войны — можете ли вы после этого негодовать на меня за столь поздний ответ? Три месяца я с утра до вечера сидел — читал газеты и забыл за войной все на свете — без преувеличений говорю. Давно уже находимся в Москве, сняли квартиру (Москва, Зубово, Долгий пер., д. № 14, кв. 12). Приехал наш друг, глотовский барин, лежит, читает «Пентесилею», переведенную Сологубом (sic!) ¹. Где вы? Где будете? Отзовитесь. Целую, кланяемся Марии Павловне.

Ваш Ив. Б у н и н

Открытка. На обороте: Нащокино, Витебск. губ. Имение Клеевка. Александр у Сергеевичу Черемнову. Почт. шт.: Москва. 15.Х.14; Нащокино Вит. 16.Х.14.

Датируется по почтовому штемпелю.

Ответ на п. 17.

¹ См. п. 2, примеч. 3.

19. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

<Москва> 27 янв<аря 19>15 г

Дорогой Клеевский барин, простите за ради бога — я тону в корректуре ¹, езжу в Петербург, хвораю, «чего я терпеть не могу», не успеваю ловить дней... Спасибо, и большое, за отличный рассказ — не ожидал я даже, что вы можете так ловко и прозою! — редакционным комитетом он прочтен и одобрен, но, пожалуйста, разрешите выкинуть хоть несколько строк из речи, уж очень свирепой, дворянина, а главное — про «Петрушку» и там, где о Куропаткине (несколько слов коих «не потерпят» ни в коем случае) ².

Живем мы, как все теперь, — тихо, новостей не имеем. Глотовский барин еще у нас, переводит 3-ю книгу Киплинга ³, напечатал две крити-

ческих статейки в «Голосе Москвы», каковой теперь уже не принадлежит октябристам ⁴. Вера переводит «Искушение Антония», радуется на огромный том «Сентиментального воспитания», недавно вышедший в свет ⁵. А вы, кроме рассказа, больше ни строчки не изволили написать? От души жалею вас и ваших родителей, потратившихся на ваше воспитание, и жму вашу честную, холеную руку!

Марии Павловне наш сердечный привет!

Ваш Ив. Б у н и н

Место отправления определяется пребыванием Бунина зимой 1915 г. в Москве («Материалы», стр. 203).

Письмо, на которое отвечает Бунин, неизвестно.

¹ Корректуры первых томов Собр. соч. 1915.

² Рассказ Черемнова «Попутчики» был опубликован в сб. «Клич» (М., 1915), редакторами которого были Бунин, В. В. Вересаев и Н. Д. Телешов (см. настоящ. кн., стр. 613).

³ См. п. 5, примеч. 2.

⁴ Ежедневная газета «Голос Москвы» была основана в 1906 г. лидером октябристов А. И. Гучковым, который был ее первым редактором (до середины 1907 г.). С № 9 1915 г. редактором стал В. Б. Гринберг.

⁵ Роман Флобера «Сентиментальное воспитание» в переводе В. Н. Бунинной вышел в начале 1915 г. (СПб., изд-во «Шиповник»). Начатый ею перевод драмы «Искушение святого Антония» не был закончен (рукопись с правкой Бунина хранится в ГМТ).

20 ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клеевка, 2 февраля 1915

Дорогой Иван Алексеевич.

Выкидывайте, марайте, пожалуйста, сколько душе вашей угодно. От этого рассказ мой только выиграет. Очень рад, что он вам понравился, а я пишу второй, ибо чувствую свой долг перед родителями, потратившими-ся на мое воспитание <...>

Будьте здоровы!

Ваш А. Черемнов

Ответ на п. 19.

21. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

<Москва> 10 апр(еля) 1915 г.

Ядовитейший
Александр Сергеевич.
Простите, пожалуйста,
что не тотчас
ответил на ваше
милое и
как всегда смешное письмо!

Серьезно, дорогой, ваше письмо снова застало меня в болезни: были адские боли в боку, и доктора меня всячески пугали, клали на рентген, но в почке ничего не нашли. Теперь мне лучше. Коля давно в деревне, куда и мы собираемся, если бог позволит. По-прежнему гибну в коррек-туре ¹.

Горький был здесь не раз, на днях выступал на еврейском вечере с великим триумфом ².

А больше нет никаких новостей.

Целую вас, просим кланяться дорогой Марии Павловне.

Ваш Ив. Б у н и н

Письмо, на которое отвечает Бунин, неизвестно.

¹ См. п. 19, примеч. 1.

² 6 марта 1915 г. Горький выступил на литературно-музыкальном вечере в пользу Еврейского комитета помощи жертвам войны. Его появление было встречено овациями («Летопись Горького», вып. 2, стр. 482).

22. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

⟨с. Глотова, ст. Измалково⟩, 27 февраля 1916 г.

Дорогой Александр Сергеевич, очень был рад вашему письму — получил его только недавно. Завтра-послезавтра напишу вам ответ обстоятельный ¹, а пока целую вас, благодарю, прошу передать наши поклоны Марии Павловне. Мы уже почти год в Глотова: Измалково, Орловской губ.

Ваш Ив. Б у н и н

Открытка. На обороте: Нащокино, Витебск. губ. Имение Клеевка. ЕВ Александру Сергеевичу Черемнову. Почт. шт.: Измалково Орлов. 27.2.16; Нащокино Витеб. 28.2.16.

Письмо, на которое отвечает Бунин, неизвестно.

¹ Было ли написано обещанное письмо, неизвестно.

23 БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

⟨с. Глотова, ст.⟩ Измалково, Орловской губ.
7.III.1916

Дорогой Александр Сергеевич, очень рады были вашему письму — повторяю это с полной искренностью — много, как всегда, смеялись, читая его, снова и снова восклицали: «И за что же этот человек губит себя своей великой ленью!» — и еще раз очень благодарим вас и дорогую Марию Павловну за приглашение, коим, однако, сейчас никак не можем воспользоваться, как не могли, впрочем, и раньше, на масленице, — работа, работа и работа, а кроме того, Коля весь январь и почти весь февраль был довольно тяжело болен, — что-то вроде инфилюэнцы с ревматическими болями и всяческими сердечными штукаками, — теперь же боится отлежать, думая, что его вот-вот могут потянуть в воинское присутствие. Удастся ли ему побывать у вас, не знаю, а что до меня, то я надеюсь навестить вас в апреле, по пути на юг из Петербурга, где я должен быть апреля 13-го, на вечер, затеваемом в мою честь и славу ¹.

Очень рады были узнать, что вы в добром здравии и твердом духе и мужественно сидите на месте, не боясь тевтонских громов. Мы тоже сидим, почти год сидим, как я уже писал вам ², в деревне — выезжали в Москву только на ноябрь и декабрь, — и чувствовали себя порою и прескверно и прескучно: поистине проклятое время наступило, даже и убежать некуда, а уж обо всем прочем и говорить нечего.

Мрачен я стал адски, пишу мало, а что и пишу, то не с прежними чувствами... Что вы делаете, неужели, правда, занялись комедией? Писал ли вам Горький? Он очень хотел привлечь вас в «Летопись», и я очень советую вам послать туда стихов, — хочется верить, что не совсем же вы ушли в эту комедию. Целую вас крепко, передаю поклоны вам и Марии Павловне от Веры и Коли.

Ваш Ив. Б у н и н

Письмо, на которое отвечает Бунин, неизвестно.

¹ Вечер, посвященный Бунину, состоялся 13 апреля 1916 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Печать оценила его как «праздник для всех ценителей поэзии» («Материалы», стр. 206).

² См. п. 22.

24. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

〈с.〉 Глотова, 〈ст. Измалково〉 24.V.1916

Дорогой Александр Сергеевич, дня четыре тому назад, я, после сорокадневного отсутствия, возвратился в Глотова и прочитал ваше письмо к Николаю Алексеевичу и, прочитав, очень взволновался: из письма вашего можно заключить, что моего письма к вам, опущенного в Петрограде 15 апреля на Николаевском вокзале, вы не получили — иначе вы не стали бы так позорить меня ¹. А между тем я, и от себя, и от Веры Николаевны, и от Юлия, еще раз очень благодарил вас и Марию Павловну за приглашение, очень твердо говорил, что воспользоваться этим приглашением нам, видимо, не придется, — проехать к вам даже из Москвы, а главное, возвратиться от вас дело совершенно немислимое, невозможнейшее! — точно сообщал вам свои планы (возвращение из Петрограда в Москву, поездка в Одессу, поездка на Волгу и возвращение в Глотова) и, как всегда, страшно льстил вам, на этот раз даже горячее обыкновенного, ибо «Сказания» ваши (сиречь гнусные издевательства ваши над нами с Горьким) особенно изобличили ваше «недюжинное дарование» ².

Чиста моя совесть перед вами и относительно «Книгоиздательства писателей»: интересы ваши на собрании пайщиков сего книгоиздательства я защитил с честью. Напишите жемне длинное письмо и успокойте меня, — если и в самом деле не получали моего письма, скажите, что сменяете гнев на милость и проторей и убытков с меня искать не будете, а пожалуетесь в Англию на нашу стервозную почту.

Ездить теперь такая мука, что поездки в Петроград и в Одессу совершенно отбили у меня охоту к дальнейшим путешествиям, так что я даже втайне был рад, когда наступили адские холода и я мог сказать себе, что ехать на Волгу не стоит. Вместо Волги я, как видите, снова здесь. Вера и Юлий еще в Москве, ждем их на днях. Лето надеемся провести здесь, зиму тоже где-нибудь на юге, но, конечно, не в Сухуме, — там лихорадка, — а в Крыму, например. Очень, очень был бы рад, если бы нам снова довелось гулять и ругать литературу где-нибудь над морем, по белому шоссе, вместе с вами!

Пока до свидания, целую вас и прошу поклониться Марии Павловне и от меня, и от Николая Алексеевича. Он просит сказать вам, что скоро напишет вам письмо на машинке, — «уже заголил ее», говорит.

Ваш Ив. Б у н и н

Измалково, Орловской губ.

¹ Это письмо, также как и письмо Черемнова Н. А. Пущешникову, неизвестно.

² Зимой 1913—1914 гг. Черемнов, живя на Капри, написал несколько сатир на Горького, Л. Андреева, Бунина и др. («Сказание о святом Максиме Каприйском», «Сказание о Леониде, мящем ся богоборцем быти», «Сказание о пиите преславном, от дьявола искушенном»). Все они, а также «Квисисана, или Жисть Каприйская» (пародия на стихотворение Бунина «Степь») входят в состав машинописного сборника пародий Черемнова «Идеальные мотивы» (ИМЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 17).

25. ЧЕРЕМНОВ — БУНИНУ

Клевка, 24 октября 1916 г.

Дорогой Иван Алексеевич,
милый академик и мореплаватель!

Как счастлив я быть вашим современником.

Сейчас снова — в сотый раз — я перечел вашего «Господина из С.-Франциско». Что за чудовищная сила! Какая жуткая глубина, какая цельность, какая красота! И откуда вы, прогоревший орловский поме-

щик, могли почерпнуть свое особенное, мудрое, философски-спокойное отношение ко всем этим «Атлантидам», миллиардерам, отелям-дворцам, шикарным проституткам, ко всему, что наполняет поросычьим восторгом сердце Куприна. Ах, родной, не пейте красного вина, не курите крепких папирос, ложитесь в 10 часов, следите за желудком, за почками, — живите до ста лет. Клянусь богом, я никогда так остро не ощущал истину чеховского утверждения, что ему легче живется от сознания, что живет Толстой¹. То же и я. Чорт побери, пока вы здравствуете, я сплю себе спокойно и не пишу ни строчки, зная хорошо, что вы напишете лучше меня. Все мое честолюбие в том, чтобы написать о вас хорошую, умную книгу, своего рода комментарий Корана, — и с меня довольно. Ибо воистину ревную о вас ревностью...

¹ Чехов писал М. О. Меньшикову 28 января 1900 г.: «... когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех» (А. П. Чехов в Поли. собр. соч. в двадцати томах, 1944—1951, т. XVIII, стр. 312—313).

26. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

⟨с. Глово, ст. Измалково, сентябрь 1917 г.⟩

Дорогой, милый друг, поражены и опечалены вашим письмом необыкновенно!

Примите от всех нас выражение самого искреннего и горячего участия в вашей горе. Обнимаю вас от всей души и крепко прошу — не давайте воли сердцу, поберегите себя.

Напишите, когда будете в состоянии, — что вы и где вы.

Что до нас, то мы живем теперь, совсем не зная, сколько мы здесь проживем. Раз сожгли, могут сжечь и еще.

Сердечно любящий вас Ив. Б у н и н

P. S. Простите, что я так краток, — не умею сказать вам всего того, что хотелось бы.

Письмо, на которое отвечает Бунин, неизвестно. В нем, очевидно, сообщалось о смерти М. П. Миловидовой (см. о ней стр. 638 настоящ. книги).

Датируется по п. 26.

27. БУНИН — ЧЕРЕМНОВУ

⟨с. Глово, ст. Измалково, 7 октября 1917 г.⟩

Дорогой Александр Сергеевич, снова прошу — напишите два слова, где вы и как вы. Писал вам с месяц тому назад, писал и Николай Алексеевич — получили?

Мы все еще в Глово. Скверно, но куда денешься!

Целую вас, желаю вам всего доброго от всей души.

Ваш Ив. Б у н и н

7 окт. 1917 г.

Открытка. На обороте: Заказное, Нащокино, Витебской губ. Имение Клеевка. Александру Сергеевичу Черемнову (переадресовано: Алушка, Таврической губ. дача доктора Овсянникова). Почт. шт.: Измалково 10.10.17. Нащокино Вит. 14.10.17.